

Мы тихо подошли из-за угла...

Яшими Элен Файр

В том, чтобы в теплый денек найти немного времени для того, чтобы посидеть в парке с несколькими листами плотной бумаги, планшетом и пастелью нет ничего необычного. К тому же, идея зарисовать глицинии, причем непременно в цвете, зрела у Яшими уже давно. Вот только нормальный человек занялся бы этим весной или в начале лета, когда за пышными соцветиями не видно самих лиан, однако британка «дозрела» до этой идеи только к осени, когда глицинии пошли на второй заход цветения, и такой красоты как весной уже было не увидеть. Впрочем, с нее бы случилось и отправиться зимой искать цветы под снегом. Так что еще не все потеряно.

Некоторое время Яшими просто ходила по парку, выискивая для себя уголок поуютнее и ракурс поинтереснее, пока наконец не пришла к выводу, что разницы, где устроиться, практически нет, и ходить дальше – просто тратить драгоценное время, потому девушка присела на землю прямо там, где до этого стояла, только что куртку подстелила. Осень еще не до конца вступила в свои права и денек стоял теплый, можно сказать – практически прохладный летний день.

Определившись с местом и ракурсом, Файр прикрепила лист к планшету и взялась за пастель. И тут же обнаружила, что совершенно не представляет, что ей рисовать. Нет, было ясно, конечно, что глицинии. Но вот какую их часть конкретно изобразить и каким образом? Девушка растеряно посмотрела в начале на цветы, потом на карандаш в своих руках, которым собиралась в начале сделать набросок будущей картины. Немного подумав, она сменила его на сиреневый мелок. Она не будет рисовать непосредственно глицинии, она будет рисовать настроение, которое они создают. Яшими улыбнулась, радуясь, что так легко разобралась со своими сомнениями, и провела мелком по бумаге первую яркую линию.

Эмиль Давенпорт

Миль искренне не понимал сестренку, когда Дарси порой вдруг начинала жаловаться при нем на тоску, скуку смертную и все такое прочее. Самому мальчику в Линь Ян Шо было интересно всегда и везде. Самое сложное - это придумать, как именно тебе интересно, кто ты сегодня и какие приключения ожидают тебя за углом. Как только эти вещи придуманы - все, заскучать невозможно, приключения сами свалятся на голову.

В парке глициний, где все покрыто зарослями и буйно цветет, можно было быть только отважным индейцем. И вообще никак иначе. Миль с утра пораньше успел заделаться и отважным могиканином, и его коварным врагом мингом, раз десять попасться самому себе в плен и столько же раз браво удрать от самого себя. И только-только собирался разыграть очередную коварную засаду, как с изумлением обнаружил, что он в парке, оказывается, больше не один. Тоже новости. Вот же вечно девчонкам по своим комнатам не сидится, обязательно надо прийти и начать мешаться.

- С какой целью ты явилась в этот цветущий парк, о бледнолицая? - предельно грозно спросил Эмиль, с несколько несолидным хрустом вываливаясь из кустов и потрясая сварганенным из перемотанной скотчем палки копьем. Как и подобает

истинному индейцу, Миль был знатно взъерошен и покрыт многочисленными следами славных битв (читай - полученными в кустах царапинами). По щекам мальчика протянулись бордовые полосы, жирно намалеванные маминой помадой и напоминающие скорее раскраску американских десантников. В светлых волосах запутались лепестки и даже целые головки цветов - какие-то Эмиль для пущего устрашения воткнул себе в голову сам, каких-то нацеплял по дороге. Короче, прекрасен, как божия гроза. Потенциальным соперникам надлежит немедленно впадать в ничтожество, а дамам - в срочном порядке дымиться от любви. А девушка с альбомом для рисования пусть уж сама решает, потенциальный она соперник или все-таки прекрасная дама.

Яшими Элен Файр

Увлеченная рисованием своей фиолетово-зеленой настроенческой абстракцией на тему глициний, Яшими само собой не услышала ни треска кустов, ни иных признаков, свидетельствующих о том, что в парке она не одна и в скором времени будет подвергнута нападению коварного воина краснокожих, потому к «нападению» Эмиля она оказалась совершенно не готова. Услышав рядом с собой голос, британка вздрогнула, выронила мелок, который держала в руках, и подняла голову. Надо сказать, что сходства в этот момент между ней и мальчишкой было больше, чем можно было предположить на первый взгляд, и заключалось оно в разноцветных полосах и пятнах, «украшавших» лицо Файр – во время рисования она периодически убирала лезущие в лицо волосы, чесала нос, отгоняла какую-то мошкарку, и в результате чего была художественно перемазана пастелью.

Эмиля Яшими разглядывала в немом изумлении, явно пытаясь понять, что это за чудо и с каких небес на нее свалилось. Первый испуг, когда неведомо откуда прозвучал голос, прошел, за ним миновало и изумление, а потом пришла самая естественная реакция на происходящее – девушка громко, от души и совершенно без всякой злости рассмеялась – представить себе зрелище, более комичное, чем Эмиль с помадой на щеках и цветами в волосах ей в данный момент было трудно.

- Молодой человек, - заговорила она, когда смех прошел, - Не согласитесь ли вы попозировать минут пять? Столь грозный вождь индейцев должен был обязательно увековечен для истории и потомков, - глицинии рядом с мальчишкой и впрямь меркли и отступали на второй план.

Эмиль Давенпорт

С "бледнолицей" Эмиль явно непростительно поторопился. Девушку можно было с куда большим успехом представить враждебным могауком, ее лицо пестрело эффектной раскраской более щедро, чем физиономия юного могиканина. Другое дело, что столкновение с силами враждебных племен Миль сегодня уже отыгрывал. Раз десять, не меньше. А нашествие белых людей изобразить пока не довелось. И вот, как раз такой повод шикарный. Так что пусть игра идет полным ходом и побоку неточности вроде размалеванных лиц.

Единственное, что юного могиканина жутко покорило - так это хохот девушки. Понятно, что не со зла, а просто физия у Миля нынче такая, к хохоту располагающая, и все равно немножечко обидно. Стараясь хоть как-то от этого смеха самого себя отвлечь, Эмиль как мог напыжился, выкатил грудь колесом (скорее выпятил животик, но это уже деталь для описания неподходящая), оперся

на свое кустарное копье - короче, такую принял позу, что хоть сейчас с него памятник ваять можно. Прижизненный. Господа скульпторы уже могут выстраиваться в очередь.

Предложение попозировать, правда, мальчишку слегка озадачило. Чего-чего, а вот оказаться увековеченным в живописи Эмиль пока не планировал. То ли дело - памятник. Солидно и гордо. А то - фех, картина. Увы, хороших уверток в голову не приходило, и Миль не придумал ничего лучше, чем нацелить в Яшими палец и сурово поинтересоваться: - А вдруг бледнолицая женщина плохо рисует?

Яшими Элен Файр

Мальчишка на смех видимо обиделся, так как позу принял еще более солидную и неприступную чем до того, так что нарисовать его захотелось еще больше.

- Вот пока не нарисую, не узнаешь, - Яшими уже отложила мелок в сторону и шустро схватилась за карандаш, раздумывая, заменить лист с будущей абстракцией на чистый или пусть глицинии пойдут фоном к портрету. В итоге она решила, что великому индейскому вождю никакой фон не нужен, он хорош сам по себе, и оперативно стала набрасывать на чистый лист бумаги будущий портрет. Рисовать она если что могла и по памяти, но с натуры оно всегда интереснее. В крайнем случае зарисует то, что успеет, а закончит уже потом.

- А ты пока скажи-ка мне, великий вождь индейских племен, зачем ты меня в плен захватывать собрался? – надо занять ребенка диалогом, чтобы не сбежал раньше времени. Правда, о чем говорить с детьми Файр не знала – младших братьев или сестер у нее не было. Но в данном случае ради такого важного дела как портрет она была согласна даже сказку рассказывать.

Эмиль Давенпорт

Разводить руками и разговаривать беседы не получилось. Бледнолицая женщина вцепилась карандаш с таким яростным рвением, что Эмиль даже, вопреки образу гордого индейского вождя, немного струхнул. Ну а как она сейчас этим самым карандашом его и прикнопит к какой-нибудь глицинии? Чтобы не вертелся? Словно бабочку? Эти бледнолицые, они могут. Коварные люди - аж жуть.

Ну, тогда уж если и быть бабочкой, то только адмиралом. На меньшее Миль был категорически не согласен.

- Здесь кто-то что-то сказал про плен? - Эмиль презрительно сморщил нос, вновь прикладывая к игре все силы и старательно возвращаясь в образ. Мальчик прикинул, как такая сцена могла бы выглядеть в вестерне, удержался от того, чтобы в задумчивости начать грызть изнутри свою щеку - и по итогу размышлений напыщенно выдал: - Разве у Пёстрога Змея нет других дел, кроме как ходить по пятам за бледнолицей и стремиться поймать в капкан её быстрые ноги? Вождю не пристало с этим возиться. А бледнолицая женщина слишком много фантазий слышит между сказанных слов!

В этом месте Эмиль гордо задрал нос - по его мнению, сказано было не просто хорошо, а офигеть-как-круто-зовите-Тарантино-герой-готов. Мальчишка даже слегка вспотел, формулируя витиеватую реплику, но она определённо того стоила.

Яшими Элен Файр

Яшими оперативно прокрутила в голове текущий диалог и задумалась – про плен действительно никто не говорил. Тогда откуда он в ее голове вообще взялся? Странная голова, бедовая. И мысли странные и неопознанные.

- Зачем же тогда великий вождь пугал бледнолицую женщину? – спросила Яшими, продолжая шустро водить карандашом по бумаге, чтобы во всех подробностях запечатлеть героическую позу великого вождя. Арлетте потом покажет – пусть порадует за неугомонное чадо. На взгляд девушки, Эмиль в таком виде был просто чудо как хорош. Особенного внимания удостоился гордо заданный нос и насупленные брови. Чудесно, просто чудесно.

Эмиль Давенпорт

Эмиль сначала хотел сказать, что кто кого здесь напугал - это еще очень большой вопрос. Может, Эмилевы игрища в парке были театром для одного только зрителя, который в этом театре и главный же актер. А на посторонние глаза и уши это все представление было совершенно не рассчитано, так что это кто тут еще кого чуть до обморока не довел своим внезапным появлением. Но в требуемый условиями игры роскошный текст облечь все эти аргументы с наскока не получилось. А брать интригующую паузу Эмиль не желал - все-таки он не актриска какая трагическая, чтобы паузами перебиваться.

В такой ситуации оставалось только мести первое, что на язык попадало более-менее годное. Поэтому Эмиль грозно выдал: - А разве у бледнолицей женщины на лбу написано, что ее нервы тоньше паутинки? Что любое появление посторонних на ее горизонте пугает ее до полубесчувствия? Бледнолицая женщина не жена Пестрому Змею, чтобы великий вождь знал все о ее привычках и слабостях!

В этом месте Эмиль сам озадаченно притих, прикидывая, не хватил ли он лишнего с такими заявлениями. То есть, понятно, что язык на перемотку не поставишь и обратно в рот эти слова не заберешь, ляпнул так уж ляпнул. Но если все-таки придется за свои напыщенные высказывания оправдываться, то, по меньшей мере, можно вот прямо сейчас, никуда не откладывая, придумать, что врать-то в случае, если за хвост схватят и велят срочно объясняться и извиняться.

Хотя, конечно, всегда можно будет сказать, что великий индейский вождь никому ничего не должен, и спастись бегством, сиганув в кусты.

Яшими Элен Файр

На лице мальчика отобразилась бурная работа мысли, а потом он даже ухитрившись не выбиться из образа выдал такое, что Яшими в начале пару раз хлопнула ресницами, осмысливая сказанное, а потом сдерживаться уже не осталось ни совершенно никакой возможности и она громко расхохоталась.

- Это чрезвычайно точно подмечено, великий вождь, - сквозь смех выдавила Яшими, откладывая в сторону карандаш, пока на портрете не получилось лишних, непредусмотренных изначальной задумкой линий.

- Думаю, жена Пестрого Змея будет очень счастливой женщиной, если он выучит ее привычки, - изгнать остатки смеха и снова приняться за портрет оказалось весьма непростой задачей. Благо, основную часть она уже успела запечатлеть - все же это графический набросок был, а не серьезное живописное полотно.

Эмиль Давенпорт

С тем, что над ним бесцеремонно и нагло ржут, Эмиль смирился достаточно быстро. Ну что ж поделаешь, если у бледнолицей женщины, видимо, смех - первая реакция на любую реплику мальчика. Только терпеть и остаётся. И верить в то, что сквозь смех слушательница всё-таки успевает оценить по достоинству кинематографично-крутые реплики Эмиля - а в том, что реплики как раз такими и были, не страдавший от излишней скромности Миль не сомневался ни на секунду. В конце концов, он же старался. Он эти фразы прям сочинял из всех сил.

Мальчик кратко раздулся от гордости, когда Яшими похвалила его за наблюдательность и невероятную остроту ума. И принялся срочно придумывать красивый ответ - с которым в этот раз проблем вроде как не возникло.

- Когда Пестрый Змей возьмет себе жену, он даст бледнолицей женщине возможность проверить её догадку, - важно и благосклонно кивнул Эмиль. И украдкой покосился на лист в руках Яшими, пытаясь понять, на сколько процентов храбрый индейский вождь уже запечатлён на полотне и как долго мальчику осталось изображать из себя более-менее неподвижного суслика.

Яшими Элен Файр

- Это будет, несомненно, большой честью для меня, - состроив по возможности серьёзную мину ответила Яшими.

Портрет был практически готов, оставалось только кое-что самую чуточку подштриховать и можно было являть творчество заинтересованной публике. Большим мастером-профессионалом Файр не была, но рисовала все же довольно неплохо. Во всяком случае, индейский вождь у нее был именно индейским вождем, вполне себе узнаваемой фигурой, хоть и не обладал идеальным портретным сходством с прототипом, но уморительно-серьезное выражение лица, пышные перья и боевая раскраска - все было в лучшем виде.

- Нравится? - больше для проформы спросила девушка, ибо главное - что нравилось ей самой, а так художника обидеть может каждый, это все знают.

Эмиль Давенпорт

Откровенно говоря, Эмиль планировал только чуть-чуть подглядеть в художества Яшими. Самую малость, чтобы оценить, как его там художница изображает, в достаточно ли достойном виде. И не особенно планировал, что ему дадут запустить в рисунок такого наглого и сочного глазнапа.

Но раз уж пускают, то почему бы там и не зазимовать.

Вердикт по поводу рисунка Эмиль вынес крайне быстро: раз самого себя узнать получилось, значит, похож. Раз похож, значит, нарисовано круто. Для Мили на данном этапе запредельно крутым было все, что он не мог с ходу своими ручонками кое-как, но повторить. Так похоже изобразить карандашами по бумаге не только свою физиономию, а вообще хоть чье-нибудь лицо мальчик определённо не мог. Но признаться в этом Эмиль не спешил. Напротив, мальчишка постарался прикинуться ценителем, рассматривающим портрет со знанием дела.

Как выглядят ценители и как они обычно себя ведут, Эмиль представлял себе довольно туманно. Поэтому мальчик ограничился тем, что раздул щеки и обхватил их руками, разглядывая нарисованную Яшими картинку. Потом, стараясь выглядеть задумчивым, потер подборок, и наконец как можно более важно кивнул: -

Бледнолицая женщина очень талантлива. Её рисунки дышат правдой.
Типа, вождь одобрил.

Яшими Элен Файр

Наблюдать за Эмилем-индейским вождем-ценителем искусства было не менее занятно, что за просто Эмилем-индейским вождем. Можно сказать, он буквально просился на еще один портрет. Но Яшими решила, что два портрета за один раз будет слишком много. К тому же искусство требовало разнообразия и на карандаш хотелось взять что-нибудь еще. Но разглядывать и подмечать для себя на будущее выражение лица это как-то не мешало. Как и с самым смиренно-трепетным выражением лица ждать вердикта. Как говорится - если уж взялись играть, делайте это до конца.

- Спасибо, - Яшими улыбнулась и кивнула, едва удержавшись от того, чтобы потрепать великого вождя по блондинистым волосам. Хоть и хотелось - но было бы страсть как несолидно для такого сурового вождя, так что порывы пришлось сдерживать.

- Держи тогда на память, - щедро вручила Файр портрет оригиналу, решив, что так его судьба будет намного интереснее, чем та, что грозила ему, останься он у нее в папке - лежать ведь и лежать среди других рисунков. А так - кто его знает что будет.

Эмиль Давенпорт

Если бы Эмилю предложили тут же, не сходя с места, второй портрет - мальчишка бы сдох так долго позировать. Конечный результат, конечно, крут, но уж слишком большие муки приходится претерпеть для его достижения. И это еще всего лишь портрет пастелью, даже не серьезными красками. Если бы, чего доброго, с Миля взяли бы ваять прижизненный памятник, пришлось бы убегать и прятаться на краю света. Потому что памятник лепить - это ж еще дольше позировать.

Но с другой стороны, признавать, что он так хорош, что его пожалели занести аж на два портрета разом, Эмилю было потрясающе приятно. Аж слов нет, чтобы гордость свою описать.

Сложный вопрос подкарауливал в самом неожиданном месте. Вместо того, чтобы сразу взять предложенный рисунок, Миль сперва воззрился на него озадаченными глазами, пытаясь сообразить, а как суровый индейский вождь должен правильно принимать дары. Нужно благодарить бледнолицую или Пестрый Змей выше благодарственных речей? А если благодарить, то как? Ну не поклоны же бить, в самом-то, блин, деле. Чего грозному и гордому индейцу делать не положено уж совершенно точно, так это униженно кидаться лбом в чужие колени. Ни при каких обстоятельствах.

- Пестрый Змей сохранит эту память как величайшее сокровище племени могикан, - наконец напыщенно заявил Эмиль и принял из рук Яшими рисунок, решив, что раз синематограф ничего не говорит по поводу этой части индейского этикета, то вполне можно изобрести что-нибудь свое. Мальчик даже расстарался и сам на ходу сочинил нечто, призванное обозначать правильный и гордый индейский поклон - приложил руку сперва ко лбу, потом к груди в поисках сердца и учтиво склонил голову, продолжая при этом держать спину прямо. После чего Эмиль, не поднимая головы и вообще стараясь быть тенью своей тени, молча отчалил задом в кусты - по его мнению, именно в этой части игры логически очень хорошо опускался занавес. С легким таким эффектом недосказанности, как в какой-нибудь театральной пьесе.

Как сказал-то, а.
